

Волков А.Г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ИНСТИТУТАМИ ВЛАСТИ

Воздействие политического текста на общественное сознание трудно переоценить: политические институты власти с помощью текста навязывают понимание социальной ситуации, и, что более существенно, оказывают влияние на формирование мировоззрения. Значимость политического текста проявляется именно в том, что он определяет мировоззрение индивида и тем самым управляет им. Поэтому использование письменного сообщения в политической игре может быть одновременно манипуляцией намерениями индивида.

Отсюда возникает проблема ответственности автора политического текста. Достаточно назвать «Mein Kampf» А. Гитлера и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Под влиянием этих сочинений происходило формирование мировоззрения нескольких поколений. С их помощью оправдывались самые жестокие политические репрессии. Феномен поистине уникальной значимости этих текстов имеет свои корни в состоянии социальной обреченности, которые испытывает индивид в обществе. Именно оно побуждает принимать как достоверные обещания светлого будущего, за осуществление которого он согласен на любые жертвы в настоящем.

Осуществление намерения включает в себя применение эксплицирующего его текста в качестве средства социальной регуляции основными политическими силами данного общества и, в первую очередь, институтами власти. Выделим несколько этапов воплощения намерения в реальность:

- во-первых, его принятие в качестве приоритетного и подлежащего исполнению;
- во-вторых, определение акции, выполнение отдельных этапов которой поручается представителям институтов власти в соответствии с их ролевыми обязанностями;
- в-третьих, применение санкции в случае невыполнения предписаний, при этом следует иметь в виду, что отдельные аспекты исполнения намерения связаны с различными текстами, образующими в целом гипертекст.

Реализация намерений происходит следующим образом: первоначально оно должно достигнуть достаточной силы, чтобы быть социально значимым; в свою очередь, намерение с сильной императивностью эксплицируется в тексте; затем данный текст институтируется, то есть принимается как обязательный для исполнения, следовательно, предполагает контроль за выполнением содержащихся в нем предписаний. Изменение условий существования, с данной точки зрения, следует рассматривать как совокупность актов институтирования политических текстов, при этом следует иметь в виду, что в критические периоды развития общества оно происходит особенно интенсивно.

Основным предназначением политического текста является создание благоприятных условий осуществления, поскольку только в этом случае политический текст является инструментом позитивных социальных преобразований. Именно поэтому текст, в котором содержится обещание социальных свобод, как правило, обладает значительной иллюкативной силой. Для того чтобы выяснить, действительно ли данный текст отвечает связанным с ним ожиданиям, следует уточнить, в какой мере его иллюкативная сила соответствует перлокутивному эффекту. То есть, экспликация намерения в тексте должна быть дополнена дескрипцией реальности, которая выявит, действительно ли использование данного текста будет способствовать осуществлению данного намерения.

Проявление регулятивных свойств политического текста обусловлено конвенциональностью понимания. Коммуникативные конвенции, возникающие в рамках социального взаимодействия, являются предпосылкой для использования письменной информации. Отсюда причина воздействия политического текста состоит не в том, что он обладает какими-либо особыми свойствами, а в том, что в конкретной социальной ситуации появляется потребность согласования намерений и действий.

Для того чтобы реализовалось намерение, необходимы социальные механизмы, назначением которых является воплощение замыслов, имплицитно заданных в тексте. Поэтому проявление регулятивности текста в рамках социальной коммуникации связано с функционированием институтов власти, которые принимают текст как средство социального воздействия.

Так как участие индивида в политической деятельности предполагает использование текста, возникает необходимость обращения к проблеме его применения институтами власти.

В нашем исследовании главнейшими признаками власти будем считать наличие отношений господства - подчинения, которые становятся предпосылкой для оказания воздействия и позволяют принимать обязательные для других решения. К. Ясперс характеризует воздействие аппарата на индивида следующим образом: «Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием» [378, 310]. Тотальная зависимость от аппарата власти во многом определяется его коммуникативным господством.

Одна из функций институтов власти как коммуникативного посредника заключается в обобщении социального опыта. Он фиксируется в политических текстах, способствуя развитию социальных традиций, норм, позволяющих регулировать проявление социального.

Применение текста становится основой для функционирования институтов власти, поскольку посредством его осуществляется социальное принуждение в рамках исполнении руководящей роли. Н.Н. Козлова выделяет данную взаимосвязь в определении понятия актор [156, 128].

Использование письменного высказывания в институтах власти связано с наличием прагматической доминанции говорящего в рамках социально-психологической роли хозяина. Ее возникновение приводит к тому, что фактор имеет возможность оказывать воздействие на изменение социальной ситуации посредством использования другого в акте убеждающего воздействия [336, 294].

Первые лица, как исполнители руководящих социальных ролей в институтах власти, с помощью посредников имеют возможность влиять на формирование намерений общества, одновременно скрывая свои. Если они руководствуются в своей деятельности субъективными интересами, то заинтересованы в том,

чтобы остаться неизвестными, продемонстрировать непричастность к принятию тех или иных социальных решений, то есть быть анонимными. На самом же деле их воздействие на формирование социальных намерений общества очень значительно.

Нельзя отождествлять посредников с представителями институтов власти, такой взгляд был бы упрощенным, поскольку посредниками могут являться, как и в рамках художественной коммуникации, лидеры мнения, «затерявшиеся в толпе», которые не принадлежат официальной власти. Лидеры мнения реально противостоят тирании представителей политических институтов власти, аккумулируя распространенные социальные настроения и выражая их в средствах массовой информации. Тем самым текст может быть не только средством воздействия институтов власти, но и оппозиционных СИЛ.

Участие в институтах власти и социальной практике в целом может быть связано с выполнением определенных коммуникативных обязанностей. Выделим следующие коммуникативные роли: имплицитного автора, то есть индивида, непосредственно использующего политический текст в определенных социальных целях, берущего на себя ответственность, хотя бы формально, за последствия его использования; лингвистический механизм наиболее полезен [29, 113]. Среди них он выделяет выбор слов и выражений, грамматической формы, последовательности, имплицитных или подразумеваемых предпосылок; создание слов и выражений; использование суперсегментных признаков [29, 102]. Воздействие политического текста определяется выше обозначенными лингвистическими механизмами.

Особую роль письменное высказывание приобретает в акте социальной номинации, в котором наиболее отчетливо наблюдается единство языка и измененной социальной реальности [13, 19]. Как уже отмечалось, номинация является формой приписывания реальности определенных характеристик, признаков, качеств и проч., следовательно, номинация одновременно будет также предикацией. Данное свойство номинации объясняет эффективность использования текста в политической практике. Номинация, являясь одним из важнейших привилегий политических институтов власти, приводит к навязыванию понимания сущности того или иного события. Оценка события, факта, ситуации, присутствующая в имени, уже является политическим вмешательством со стороны институтов власти. Не случайно Н.Н. Козлова отмечает, что власть - это власть номинаций, монополии на наименование элементов мира [157, 101].

Номинация связана с выделением некоторого объекта в реальности, то есть фокализацией, актом выбора объекта для того, что может быть названо «специальной обработкой внимания» [90, 315]. Противоположным отношением сознания к реальности будет сакрализация, когда-то или иное социальное событие, политическое действие, явление или объект не принимаются во внимание, замалчиваются, и в результате остаются вне сферы социальной коммуникации. Л.Г. Ионин, характеризуя социальные истоки сакрализации, замечает, что она обусловлена тем, что священное не подлежит критике; в результате выводятся из зоны демократического обсуждения целые сферы общественной жизни или общественная жизнь как таковая [134, 103].

- нарратора, назначение которого состоит в том, чтобы выступать в качестве представителя автора. В этом случае «реальный говорящий (автор) делает вид, что (...) в тексте он является «субституированным говорящим», т. е. заменяющим его в тексте повествователем, или нарратором» [29, 153]. В коммуникативной практике политических институтов другой является их представителем, т. е. нарратором.

Понятия имплицитный автор и нарратор применяются в целях разграничения автора текста и его представителей. Понятия имплицитный автор позволяет обозначить автора текста, даже если он стремится быть анонимным. Имплицитным автором может быть отдельный индивид, социальная группа, политическая партия, движение и проч. При определении имплицитного автора появляется возможность выявить политические силы, которые заинтересованы в данном политическом тексте.

Понятие нарратор обозначает того индивида, который выступает от лица автора. Данный феномен в лингвистике получил определение имперсонализации, т. е. перевоплощения, посредством которого реальный говорящий (автор) делегирует ответственность за речевые акты, им совершенные, своему заместителю в тексте - "субституированному говорящему" [29, 153]. Роль нарратора включает в себя возможность представлять кого-либо, быть выразителем чьих-то намерений. Феномен делегирования коммуникативных полномочий довольно часто наблюдается в политической практике. Так, например, получил распространение институт доверенных лиц, который разрастается фактически в аппарат управления. При этом использование текста доверенными лицами основывается на наличии у них права выступать от первого лица.

Применения письменного высказывания институтами власти обусловлено своеобразием политического дискурса. Так Р.М. Блакар считает, что люди с разными позициями власти имеют разные возможности по овладению более продвинутыми лингвистическими механизмами: кто имеет наибольшую власть (положение), может в любой момент решить, какой

Воздействие текста связано с конвенциональной природой использования языковых средств. То или иное текстуальное выражение предполагает стандартные прагматические условия его выполнимости, наличие известных контекстов для участников коммуникативного акта. В прагматической лингвистике и логике данные конвенции получили название фреймов. Для социальной философии существенным является тот аспект, который выделил при определении рассматриваемого понятия С.Н. Петрова: «Конкретно фрейм - это общий каркас, стереотип, который каждый раз наполняется специфическим содержанием» [256, 78].

Итак, фрейм включает в себя наличие общего знания, стереотипной ситуации, которая конвенционально определена. В рамках данного исследования в первую очередь вызывают интерес такие социально-политические фреймы как заседание парламента, проведение демонстрации или митинга, выступление политического лидера, выборы, пресс-конференция и проч. Существенной особенностью политического фрейма является то, что он представляет собой некий социальный ритуал, в котором коммуникативная ситуация и ее текстуальное содержание определены изначально. Любые нарушения имеют особое значение и могут быть восприняты как политический акт. Наличие и осуществление политического фрейма зависит от своеобразия политической системы и социальных традиций. В социалистической системе, например, получил распространение такой фрейм как партийное собрание, а с ее трансформацией он утратил свою

актуальность.

Возникновение регулятивной значимости политического текста необходимо определить не только в отношениях индивид - институт власти, но и в ракурсе отношений различных институтов власти, которые различаются по сфере влияния. Например, политический институт определяет и нормирует развитие общества, в то время как церковный институт оказывает влияние на духовную ситуацию [284, 4].

Зависимость данного рода можно выделить и внутри политических институтов власти, например, в разделении власти на законодательную, которая определяет в целом социальные нормы и исполнительную, регулирующую осуществление данных норм в социальной практике.

По результатам изучения роли политического текста в деятельности институтов власти можно сделать следующие выводы:

1. Регулятивная значимость производна от свойств самого текста, т.е. от его иллокутивной силы, которая может возникать в результате использования перформативов, или обусловлено принуждающим воздействием аппарата власти. Перлокутивный эффект может быть адекватным иллокутивной силе или превосходить его, или, наоборот, не получить воплощения, что зависит от интенсивности политического воздействия, выполнимости содержания, темпоральных границ использования лингвистических средств, применяемых риторических приемов. Воздействие вердикативных текстов связано с установлением социальных нормативов, комиссивных – отношением к прогнозируемым последствиям, которые они могут оказать, эксерситивы – отношением к политической силе, которой они принадлежат и интенсивностью пропагандистского влияния, экспозитивы – убедительностью доводов в контексте социального диалога политических оппонентов, бехавитивы – актуальностью сообщения.

2. Регулятивная значимость зависит от того, каким образом он используется институтами власти. Выделяется следующая последовательность: актуализация намерения, институирование текста, в которых они эксплицированы, институивный контроль за их исполнением. Для того чтобы текст институировался, необходимо обоснование его необходимости для создания благоприятных условий осуществления.

3. Значимость институтивного текста определяется тем, что он является конституирующим фактором в осуществлении намерения, при этом инструментом для практического воплощения являются институты власти. Следует иметь в виду, что подлежат институированию не любые намерения, а лишь такие, которые способствуют созданию благоприятных условий существования. Проблема состоит в том, что исполнение, на первый взгляд, гуманных намерений может вызвать прямо противоположный результат. В какой-то мере это связано с тем, что представители институтов власти преследуют при их осуществлении свои субъективные интересы.

4. Причина воздействия текста во многом объясняется доминацией говорящего, который для осуществления регулятивного воздействия привлекает коммуникативных посредников, назначение которых состоит в преодолении дистанции между отправителем и получателем. В то же время, именно они оказывают значительное влияние на формирование общественных намерений, скрывая, одновременно, свои. При этом посредниками не обязательно могут быть представители власти, а и лидеры мнения, которые выражают актуальные социальные намерения.

5. Для того чтобы оказывать воздействие, используются такие средства создания перлокутивного эффекта как номинация, причина воздействия которой зависит от того, что она является еще и предикацией, приписыванием определенных свойств, которые формируют общественное мнение. Номинация возможна при наличии выделения некоторых объектов в акте фокусирования, в первую очередь таких, которые актуальны для представителей власти и отвлекают внимание от других.

6. Регулятивная значимость политического текста зависит от своеобразия включения индивида в структуру властных отношений; роли, которую исполняет индивид: автора, имплицитного автора или нарратора; функции текста в политическом фрейме и его особенностей; характера взаимоотношений между различными социальными институтами (соотношения поощрения и санкции).

Источники и литература

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991.-527 с.
2. Козлова Н.Н. Заложники слова // Социологическое исследование. - 1995. -№9. -С. 128-136.
3. Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1977. - 406 с.
4. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использование в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: Перевод с разл. яз. - М.: Прогресс, 1987. - С. 88-125.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико- семантический аспект. - М.: Наука, 1976. - 383 с. '
6. Козлова Н.Н. Заложники слова // Социологическое исследование. - 1995. -№10.-С. 100-109.
7. Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Художественная рецепция и герменевтика. Теория, школы, концепции. - М.: Наука, 1985. - С. 280-336.
8. Ионин Л.Г. Слово и дело критики. Социально-философское и публицистическое исследование. -М.: Политиздат, 1989.-271с.
9. Петрова С.Н. Контексты интерпретации и прагматика адресата //Язык и социальное познание. - М.: Центральный совет филос. (метод) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. -С. 77-81.
10. РикерП. Терпимость. Нетерпимость. Неприемлемость: Пер. с англ. //Социологическое исследование. - 1995. - №2. - С. 3-14.

